

Литературная газета

ОТДАР ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 128 (444)

24 СЕНТЯБРЯ 1934 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Рис. худ. В. Васильева

«КОНФЕТИ», ИЛИ...

Годовой план Деттиза на 1934 г. был запроектирован в 1930 тонн бумаги. В первом же полугодие вместо 800 тонн папиросы получили всего 757. Недоллар в 3-м квартале бумагу Соловьевскую предложил компенсировать теперь бумагой третьего разбора, т. е. браком.

(Из газет.)

Дневник литературной газеты

24

Одним из значительных событий прошлых дней был слет СЕНТЯБРЯ промышленности. Хотя совещание наших крупнейших хозяйствников носило исключительно деловой характер и было создано с совершенно практической целью: обеспечить выполнение плана 1934 г., на нем поставлен в ряд общих вопросов, в том числе качественные вопросы о культуре труда, методах управления и рукоходства. На совещании произнесли новые требования к людям наших заводов.

Все это имеет непосредственное отношение к работе советских литературных и только по своей направленности, а также и все еще дающей себя чувствовать плохой организацией литературной жизни писателей не пропали обобщенного практического интереса к совещанию хозяйствников. Мы подчеркиваем — практического, потому что наша задача, естественно, заключается в том, чтобы повернуть события для себя литературно-творческие, прислушаться ко всему тому, что говорилось на совещании, уход художника. Мы останавливаем внимание на этом факте именно потому, что он дает богатый материал для художника.

В самом деле, очень многие писатели работают над индустриальными темами. Всех интересует тема нового человека пятилетки: художника, молодого инженера, ученого. Работы совещания хозяйствников дают в этом отношении богатейший материал, значительно более содержательный, чем экскурсии по новостройкам. Нет спору, что писателю нужно ездить по стране, но пора усвоить также, что в изучение действительности входит и то, что происходит в Москве, в том числе и в залах деловых заседаний.

Участие в работах совещания хозяйствников, углубление в стиль его работы показало бы писателю, что значит на деле изогнать «большевиков» из области техники, что значит «по-новому работать, по-новому руководить».

Прочтите речь т. Орджоникидзе. Снова, как и в его речи на партийном съезде, вас поражает знание командармом боев пропагандой армии, комендантами ее соединений. Наша писатели в своих произведениях еще не нашли дальше описания строительных темпов, в их книгах о пятилетке сюжетные коллизии построены вокруг сроков, количества сделанного и т. д. Это волнует из героев. Борьба за освоение и выполнение практические трудности, которые при этом испытывает рабочий, почти не отражены в литературе. А между тем именно это сейчас основное.

Тов. Орджоникидзе говорил о замечательных стаканах Уразманова, которыми должен управлять «рабочий» с

инженерным образованием. На совещании требовали повышения культуры молодых инженеров, в том числе и внешней культуры — в одежде, в разговоре и т. д. Эти «мелочи» говорят о больших культурных сдвигах, и самое замечательное в том, что университет культуры является вся страна.

Осмысливать все эти явления творчески — неотъемлемая задача писателя.

Без такого осмысливания нельзя видеть перспективы, а произведение без перспективы — скучное произведение; значение его ограничено очень коротким сроком.

В этом году ГИХЛ изданы однотомники избранных произведений Белинского и Добролюбова, и кроме того подготовляются к печати и скоро выйдут в свет однотомники Писарева и Чернышевского.

Таким образом, дело популяризации богатейшего наследства классиков нашей критики в последнее время сильно двинуто вперед.

Но кроме однотомников нам сейчас совершенно необходимо издать критическую хрестоматию, которую вошли бы наиболее важные и сыгрывавшие наиболее значительную роль в истории нашей общественной мысли статьи Белинского, Добролюбова, Герцена, Чернышевского, Писарева, Ткачева, Лаврова и др. Потребность в таком виде хрестоматия огромна.

Соответствующие однотомники не только не устраивают этой потребности, но в сущности сами к ней приводят, потому что далеко не каждый читатель способен самостоятельно ориентироваться в содержании однотомника и выбирать из него именно те произведения, которые наиболее характерны для эволюции данного писателя.

Сверх того, такого рода хрестоматия явилась бы существеннейшим пособием преподавания истории литературы как в высших звеньях средней школы, так и в высшей школе. У нас сейчас нет ни одного пособия, вводящего читателя в историю нашей критики. Да и какое знакомство с идеями классиков критики у нас не слишком распространено, и между тем без знакомства с ними не может обойтись ни один человек, изучающий литературу.

И несомненно, что многие читатели, пока еще не способные овладеть полностью всем блеском идей Белинского, Чернышевского или Писарева, с интересом прочли бы толково и увлекательно составленную хрестоматию из их произведений. А затем она послужила бы для них ступенью для дальнейшего более детального и широкого ознакомления с идеями соответствующих авторов.

Конечно, создать такую хрестоматию не легко, не силы и средства для этого у нас есть.

Тысячелетие Фирдоуси

ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ ПЕРСИДСКОГО ИСКУССТВА

22 сентября в Музее восточных культур состоялось торжественное открытие выставки персидского искусства.

К 12 часам дня яркая краска восточных ковров расцвела на полу и стенах музея. Стари съезжались приглашенные на открытие. Среди них: поверенный в делах Персии в СССР г. САЗД, представители персидского правительства г. ДИБА и г. НАФИСИ, представитель Наркомпроса РСФСР г. БЕСКИН, художники, скунстлеры и крупнейшие работники искусственных музеев.

Выступивший на открытии поверенный в делах Персии в СССР г. САЗД поблагодарил советское правительство и общественность за горячее участие, которое они приняли в организации торжества, посвященных памятам бессмертного Фирдоуси.

Г-н Сайд отметил, что это участие свидетельствует о все более укрепляющихся советско-персидских дружеских отношениях.

Представитель персидского правительства г. Диба преподнес в подарок

музейу образец современного персидского искусства Персии — расписанную лаком шкатулку — и поблагодарил работников музея за блестящую организацию выставки, которая дает полное представление о развитии персидской скульптуры, живописи и литературы.

После торжественного заседания начался осмотр выставки. Организатор выставки проф. Денеке дал подробнейшее обяснение экспозиции, а также ознакомил гостей с организованной недавно отделами турецкого и мавританского искусства.

Уездная, поверенная в делах Персии в СССР г. Сайд написал о своем впечатлении от выставки следующее:

«В день, посвященный памяти великого поэта Персии Фирдоуси, посетили музей. Вся культура Востока представлена с любовью и искренним пониманием душой Востока и в части несравненно моей страны — Персии. Приношу свою благодарность организаторам музея, особенно организаторам дня Фирдоуси за внимание и радушный прием».

ПРИЕМ В ВОКС

22 сентября в ВОКС состоялся вечер, посвященный тысячелетию со дня рождения Фирдоуси. На вечере присутствовали персы из Персии.

Вечер открыл выступительный словом председатель ВОКС т. Абросеев. Доклад о Фирдоуси и о влиянии персидского искусства на мусульманский мир прочел представитель персидского правительства г. Мехрибан Джа. С интересным докладом о народном и посвященном характере поэзии в Персии выступил г. Сайд Насиби.

Доклады закончились кратким зачитыванием слогом погребенного в детях персидского правительства в СССР г. Сазда, после чего состоялся концерт, в котором приняли участие армянская квартет имени Кондакаса ГАБТ Вербова и Батурина. «Варзени» из «Монца» — Мусорского и «Фантазия» — Долинетти исполнила с большим мастерством на арфе артистка Дулова.

Студенты Института, демонстрируя прекрасное владение восточными языками, выступали с речами и приветствовали гостей на персидском, арабском и турецком языках.

Студенты Института, демонстрируя

Страны, люди, книги

БЕСЕДА с АНРИ БАРБЮСОМ

ПОД РЕДАКЦИЕИ В. БАГРИЦКОГО
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, Н. СКЛЫВИНСКОГО,
М. СУБОЩКОГО, М. СЕРЕБРИНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. ЧУНЕВИЧ

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

иностранерным образованием. На совещании требовали повышения культуры молодых инженеров, в том числе и внешней культуры — в одежде, в разговоре и т. д. Эти «мелочи» говорят о больших культурных сдвигах, и самое замечательное в том, что училище культуры является вся страна.

Осмысливать все эти явления творчески — неотъемлемая задача писателя.

Без такого осмысливания нельзя видеть перспективы, а произведение без перспективы — скучное произведение;

значение его ограничено очень коротким сроком.

Сейчас сразу принял французский характер.

— Мое искреннее желание присутствовать на съезде советских писателей никак не может быть поставлено перед съездом под сомнение. Съезд оставил глубокий след не только в географических границах Советского союза, но и везде, где мыслится человек, живет жизнью.

Ни один честный французский писатель не скажет, что он оставил

равнодушным к тому, что произошло

в эти дни в Москве. Буржуазия

прессы не освещала ход съезда; с тем

большим нетерпением ждали мы

товарищей из Москвы. Мальро, Арагон, Жан-Ришар Блок подобно

ознакомят французских писателей с

работой съезда. «Соприш» напечатал

доклад Горького, в оче-

рном номере «Монда» пестает

Фото С. Шингарева

ВСТРЕЧА А. БАРБЮСА В МОСКВЕ. БАРБЮС И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦК МОПР СТАСОВА.

доклад Карла Радека о международной революционной литературе.

Признаю этого необычайного интереса ко всему, что происходит в Советском Союзе, надо искать во всем растущей экономической мощи и моральном авторитете советской страны.

В Франции происходят интересные события — они замечены даже для не очень опытного глаза. С каждым днем растут симпатии к Советскому Союзу. Главную роль в этом сыграли не только политическая дружба, но и то, что народы Запада начинают видеть, что народы Советского Союза превратили труд в творчество.

Кризис разбудил многих. Происходит дифференциация сил в среде интеллигенции, и недавно созданная Ассоциация революционных писателей Франции «АЕР» свидетельствует именно об этом.

«АЕР» делает свое полезное дело, но мне кажется, что она должна поставить перед собой более четкие задачи.

Дифференциация сил происходит не только во Франции. Весь мир находится в этой стадии. Этот результат кризиса и все приближающиеся опасности. Пять шестых земного шара управляются фашистами, что ликвидирует правительства, и если мы до сих пор не смыслим катастрофу, это только потому, что есть Советский Союз, который наряду с фашизмом противопоставлен твердая воля тружеников других стран — во всем мире.

Организации сил, конечно,

не равны. Фашизм имеет в своем распоряжении армию, школы, капиталистов, полицию. Трудящимся необходимо быть блестящими. В тех странах, где голосование не является еще совершенным лицемерием, рабочие должны драться за каждую копейку — смотреть, чтобы она не пошла на вооружение.

В этот борьбе за мир большую

роль сыграли амстердамский конгресс

против войны (1932 г.) и парижский конгресс против фашизма (1933 г.).

Выступавшие литкружковцы отме-

тили, что съезд поставил громадные

задачи перед всеми писателями и что

зачитывали на съезде эти задачи.

Литкружки — это единственный

съезд, на котором выступают

литераторы из разных стран.

Съезд, на котором выступают

литераторы

УКРАИНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО» В ХАРЬКОВЕ ВЫПУСКАЕТ В УКРАИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ М. ИВАНОВА «ДОН-КИХОТ» СЕРВАНТЕСА С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ Ю. ГАНФА.

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ

МОЙ ОТВЕТ

В ОТВЕТ НА ПОДНЯТУЮ ДАТСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТЬЮ КАМПАНИЮ ПРОТИВ МАРТИНА АНДЕРСЕНА НЕКСЕ ПОСЛЕ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ СССР, НЕНЕСЕ ПОМЕСТИЛ В ОРГАНЕ ДАТСКОЙ КОМПАНИИ «АВВЕТЕР ВАДЕД» 11 СЕНТЯБРЯ СТАТЬЮ, КОТОРУЮ МЫ И ПОМЕЩАЕМ, ПРИВЕТСТВУЯ МУЖЕСТВЕННОГО ПИСАТЕЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА.

По дороге из Советского союза я, мой мени посетил в Стокгольме корреспондент «Экстрабладет», который, направляясь в СССР, просил меня поделиться с ним своими впечатлениями о пролетарской республике и о Западной Европе. Я повторил ему то, что я поделился с читателями в моей последней книге «Два мира»: воля в творчестве, в побеге в стране пролетарской диктатуры; старческий марафон в Западной Европе, переживающей первых подготовок к новой мировой войне. И, наконец, слушая самое ужасное: я сказал, что воз дух в Дании испорчен.

Все мы знаем, что датчанин не читает газет, он удовлетворяется заголовками. Из этого сделали вывод, что датчане познаны, наблюдательны и имеют лучшую в мире прессу. К несчастью, сила «Экстрабладета» присуща — заголовкам, которые они любят подчеркивать крупным жирным шрифтом: «Дания худшая страна в мире! Мартин Андерсен Ненкс издается над своим отечеством!» Итак, скажи готов. С удивительной поклонностью, которой у нас могла бы подаваться даже унифицированная пресса национальной Германии, полсотни датских газет гордо подхватили заголовки «Экстрабладет». Не все же поняли сущность моего интервью, но зато самый свободный и самый дальний из датчан, одаренный человек золотой середины вдруг очутился в положении макаки Блом, торгующей рыбой на Гаммельстранде: она много перенесла за свою долгу жизнь, но когда ее провала гипотезу, то здесь она уже больше не выдержала.

В доме повешенного не любят говорить о вербеке; люди, живущие в комнатах с наглухо закрытыми окнами, не любят, когда их укорят за дурной запах в их доме; просто надо выйти наружу и поплыть свежим воздухом. Так и с нашей прессой. Все она за реалистическими указаниями этот замечательный выход. Ее глаза, если тебе не правится наш воздух, — ссылаются на нас, наше советы. — Оставь нас самих вышать нашим отправленным кислородом, если он тебе не правит-ся».

В наше время трудно говорить о нации, ибо никогда так не злоупотребляли этим понятием, никогда не подавалось так сильно национальное чувство угнетенных народов, как теперь. Высокопарно говорить о нации

является до сих пор монополией редакций на Пицестредеге и Фарнгэлдзе¹, особенно изобличающими, чтобы квартиры не превращались в сплошь боязни, кто скорее вынужден будет покинуть страну: та ли культурная эпоха, представленная «Берлинскими Тиденс» и посвященная безнадежной борьбы со смертью, или социал-демократия, которая как будто бы находится в своем лучшем возрасте, но на самом деле принимает все меры самоубийства. Мне кажется, что мне самому придется обеих вынуживать за зверь.

Было бы неправильно считать датскую нацию самой глупой в мире, но преступно беспрестанно жужжать датчанам в ухо, что они самый передовой, самый образованный народ на свете. Датский народ обхваивается ради известных для посвященных людей: надо помешать ему размножаться на своей субъекте, он ведь может своим собственным умом дойти до неприятных для опекунов вещей.

Датский народ, если верить газетам, горд своей прессой. Он имеет все основания к такой гордости. Действительно, мы имеем передовую прессу. Судите сами о ее достоинствах. Недавно «Экстрабладет» наполовину сфабриковал интервью с бывшим венгерским офицером Фаллузи. Вся пресса перепечатала это интервью. Фаллузи написал опровержение в «Арбрайбладет». Написавший является залогом в нашей прессе, которые перепечатали его опровержение? Нет, не написал ни одного! Газета «Бирж» сообщила, что знаменитый советский писатель Илья Эренбург написал статью в «Известиях», в которой обратил внимание на тот факт, что профессор Нильс Бор после своего возвращения из СССР был публично назван идиотом и ни один голос против не поднялся против этой возмутительной выходки. Одна газета даже сочла нужным подаваться на мой чувствительность. Ницко, мод, не обратил внимания на этот случай, но это именно меня и возмущает. Ради нации, которая горд своими певческими именами, имеет права не возмущаться, когда ее тщут в умственной тупик.

Какое преступление совершил Нильс Бор? Он после своего посещения СССР заявил, что наука там развивается в благоприятных условиях и что во многих областях знания советские учеными занимают руководящее место в мире, но уже упали скажать это маленькой демократической стране, в самой свободной стране под солнцем! Здесь разрешается иметь только одно навязанное газетам мнение о пролетарской республике; если ты его не придерживаешься, то тебя или вырут или идотом или попросят оставить страну. На тебя спускают всех собак, если ты выскажешь свое мнение, и все это происходит под соусом свободы сове-

¹⁾ Улицы на которых помещаются редакции газет «Берлинские Тиденс» и «Социал-Демократ».

Я знаю, что мне приходится разоблачать нечто такое, что является грандиозным наростом в нашей умственной жизни. Те, которые стоят на счите так называемой датской точке зрения, крикнут мне вслед: «Он забирает Данию!» Он разносит свое собственное гнездо! Я знаю также, что мне за это следует отбить голову топором, повесить, в лучшем случае выбросить из страны, и по последнему наказанию мне следует заранее подготовиться. Я сорок лет участвую в литературной жизни, и приходилось мне иметь дело также и с прессой...

Я знаю, что мне приходится разоблачать нечто такое, что является грандиозным наростом в нашей умственной жизни. Те, которые стоят на счите так называемой датской точке зрения, крикнут мне вслед: «Он забирает Данию!» Он разносит свое собственное гнездо! Я знаю также, что мне за это следует отбить голову топором, повесить, в лучшем случае выбросить из страны, и по последнему наказанию мне следует заранее подготовиться. Я сорок лет участвую в литературной жизни, и приходилось мне иметь дело также и с прессой...

Попытаемся заметить хотя бы ожаге основные проблемы методологии Фриче и его место в истории литературной теории.

Фриче работал в эпоху непоколебимого авторитета Плеханова и, разделяя господствующее мнение, отошелся к Плеханову как основоположнику марксистской теории литературы. Это положение он развернул в двух статьях: «Плеханов и научная эстетика» и «К юбилею Плеханова».

Детальный разбор системы взглядов Фриче показал бы, что эта система пеликом находится в кругу методологических положений Плеханова. Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

Больше всего я охотнее всего Фриче выступил по вопросам истории западноевропейской литературы и по выявленной им в марксистской литературе проблеме стиля. При внимательном изучении этих высказываний не трудно увидеть общую основу — стремление использовать применительно к литературе учение Маркса о социально-экономических формациях. Надо оговорить, что этот замечательный Фриче путем выделения основной действительной историей литературы не соединил ее с историей западной литературы и т. д.).

Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

Фриче не сумел понять до конца племянника Плеханова, хотя отдельные его замечания говорят о приближении к этому. Фриче только развивал общие положения Плеханова на более конкретных участках, приводя в более спонтанной форме искусства, устанавливая категории, на которых Плеханов не имел возможности работать по обстоятельствам исторического периода (стиль, жанр, история западной литературы и т. д.).

МОЛОДОЕ ПОБЕДИТ

Беседа с персидским поэтом Сайдом Нафиси

Современная молодая литература Персии, — начал свою беседу Сайд Нафиси, — вся в стадии искания. И это закономерно. Во всех областях государственной жизни, как вам известно, страна переживает переходную эпоху. В нашей литературе есть еще много представителей старой классической школы, ярких приверженцев старых традиционных форм литературного творчества. Молодые писатели, с другой стороны, являются не менее убежденными сторонниками внедрения в художественную литературу всех новых для нее жанров. Так за последние 20 лет появились у нас романы, пьесы, новеллы, публицистические и критические статьи и очерки.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

Из современных поэтов наиболее крупным и популярным является Багар, весь проникнутый новыми идеями, но в то же время пользуясь для своих произведений класси-

стическими словарем персидской литературы.

Сайд Нафиси.

Из современных писателей наибольшей известностью пользуются Хедмази, автор психологических романов («Омар», «Зибад» и др.), и Масуд, который, между прочим, подражает (и очень удачно) Ремарку.

По книге коллектива писателей труда «Беломорстрой», по сценарию Погодина «Заключенные», по материалам газет и журналов мы знаем, какая деревенско-вillageя работа была проделана с ворами, предателями, сосланными кулаками.

На эту ответственную тему Зощенко написал небольшую повесть «История одной жизни», которая в дальнем списке произведений писателя занимает особое место.

Мы знаем Зощенко как писателя, который на протяжении почти всей своей литературной деятельности находился на туплом пути сатирического писателя. Многие критики не замечали зощенковских юмористических новелл. Она словно говорившие, «ссыпали» писателя со счетов литературы, не смелили ее творчеством сатирика, они не читали подавленных горечью его рассказов о мещанстве. Но вот была напечатана «Возвращенная молодость» — повесть острая, вызвавшая страстные споры, направленное внимание читателя. В этой повести важно стремление писателя к положительному герою. Стремление Зощенко не случайно. Оно законно. Писатель двинулся вместе с страной. В годы первой и второй пятилеток, в годы блеска и величия нашей страны, Зощенко, писатель большой наблюдательности, таланта, увидел, что даже в мире его персонажей что-то изменилось, произошли какие-то сдвиги.

В этом отношении «История одной жизни» особенно поучительна как стремление писателя к показу положительного героя.

Заключенный Р., который «сознательно строил свою жизнь на пра-
вости, воровстве, обмане, грабежах и убийствах», после долгих, заполненных приключениями своей жизни в разных странах попал в оставленную им в первые годы революции страну Советов и затем на Беломор-строй.

Надо сказать, что сам автор мужественно признался в том, что он скептически полонил в вопросе о перевоплощении. Я полагаю, — пишет Зощенко, — что это знаменательная перековка людей возникла на единственном и основном motivo: на желании выслушаться, на желании получить тепло, блага и льготы. Я должен сказать, что в общем счёто я ошибся».

Ошибку свою писатель возместил тем, что создал очень тонкую и умную повесть. Это было преодоление авторского скептицизма. Писатель отобрал главное, писатель сумел (для него огромный собственный литературный опыт) найти живой, яркий язык, который, если внимательно проследить по повести, сохранил специфику воровского словаря, интонации, претерпевшие изменения вместе с героями. Зощенко пишет: «Вот на новую жизнь этого человека (заключенного Р.) я бы поручился».

Но я говорю: я бы поручился только при наших некапиталистических условиях. Я хочу жить в такой стране где двери не будут закрываться на замки и где будут позабыты печальные слова: грабеж, вор и убийство».

Зощенко живет в такой стране. Если эта повесть знаменует движение писателя к положительному герою, то мы надеемся, что в своих следующих произведениях он обязательно покажет этого героя.

М. СИМОНОВ

* Она вошла в книгу о «Беломорстрое», а теперь вышла отдельным изданием в «ИПИ».

Сулейман Стальский

Одним из ярких эпизодов всесоюзного съезда советских писателей бесспорно было выступление народного поэта Дагестана — Сулеймана Стальского. А. М. Горький говорил в заключительном слове на съезде: «На меня и — я знаю — не только на меня произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сила в презумише, шептал, созывая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их» (*Лит. газета*, № 117). Имя Сулеймана теперь известно каждому советскому читателю, но очень немногие из пределов Дагестана знакомы с творческим путем старейшего певца лезгинской бедноты.

Лезгинский лингвист и литератор тов. Гаджимен Гаджимбасов опубликовал автобиографию Сулеймана. Вот она:

«Слишком рано я лишился своей матери. Меня отдали на прокормление другой женщине, она кормила меня 7 лет, потом передала меня обратно моему отцу. Отец женился на другой. Семь лет жил с матерью. Она была очень злая.

Потом я поехал в Дербент и палася на лому у одного кулака-турка. Здесь я работал 4 года. Вернулся в аул и занялся батраком. Проработав два года, поехал в город Ганджу и поступил на завод «Война» рабочим, где проработал 2 года. Затем я поехал в Закаспийский край и работал там 4 года рабочим, из которых 2 года чернорабочим депо, 1 год на постройке железной дороги и 1 год на постройке моста через реку Сырдарью. Из Средней Азии я вернулся в Баку и проработал там один год на нефтяных промыслах штангщиком.

Из Баку вернулся в родной аул и стал работать охранником поставов. Работал я пять лет. В 30 лет я женился, после чего начал сеять отгород около своего аула, охраняя отороды моих жен, а я в это время у других жал шпионом. Так жили мы с женой 7 лет. Очень трудно было мне жить, и я вынужден был продать свой дом, а сам сколз маленьющую хату на окраине аула. Купил себе пару рабочего скота и начал заниматься крестьянством; так как у меня не было своей земли, пришлось арендовать землю. У меня 2 сына. Оба они женаты, они оба работают в колхозе. Один сын учится в Дербентском с.-х. техникуме. Мне 65 лет.

Таково краткое жизнеописание Сулеймана. Понятно:

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная.

Еще в 90-х годах Сулейман — безземельный батрак из аула Ашага-Сталь — стал создавать песни. Имущая верхушка его родного аула встретила с пренебрежением первые творческие опыты неграмотного бедняка и сперва даже обвинила его в присвоении чужих стихов — как же голодрек может быть поэтом?!

На февральскую революцию Сулейман пришелся написать специальное стихотворение на местную тему по заказу, чтобы доказать

свою способность к поэтическому творчеству.

Песня Сулеймана с самого начала отражала быт и психология, радости и печали лезгинской деревенской бедноты. Безграмотный темный бедняк — Сулейман не имел ясного революционного сознания. Он не знал, какова дорога, ведущая к раскрепощению немногих тружеников. Но певец чутко ощущал немногие страдания бедноты и ясно видел виновников этих страданий. И заложил в песнях Сулеймана зазывную поту протеста против угнетения и эксплуатации.

Гневную песню обрушил некогда Сулейман на голову царских судей:

Нет справедливости в груди,
Нет искры жалости в груди.
Без платы к вам беднякам придти —
К нему вы глухи, судьи!
Дает хитрый ход словам.
Сам дьявол помогает вам.
И справедливым беднякам
Вы сердце жигите, судьи!..

(Перевод А. Ширата).

Не менее гневно обрушился тогда же Сулейман и на духовных растлиителей бедноты — мулл:

Что вам сироты, что нищета!
Ваша душа таинственной мглы,
Но мы знаем, как нужно читать
То, что в них шевелится, муллы!..

(Перевод А. Ширата).

Чрезвычайно любопытна старая песня Сулеймана, направленная против сближения эксплуататорской верхушки лезгинского аула с российскими колонизаторами:

Для лезгинского кулака
Власти русские другом стали.
Для богатого земляка
Бедняки последними стали...

(Перевод мой).

Правда, в этой песне революционные мотивы протеста против капиталистического гнета переплетаются с реакционными мотивами милитаристической замкнутости и патриархальной консервативности. Но это противоречивое слияние революционных и реакционных мотивов было продуктом и отражением реальных противоречий мучительного процесса пробуждения классового самосознания в забытых массах отсталой аульской бедноты.

Эти немногочисленные примеры неопровергнуто свидетельствуют о наличии в дореволюционном творчестве Сулеймана мотивов протеста против эксплуатации и гнета. Однако, повторяю, эти мотивы до революции не успели у Сулеймана перерастти в сколько-нибудь ясную систему революционных идей.

Еще в 90-х годах Сулейман — безземельный батрак из аула Ашага-Сталь — стал создавать песни. Имущая верхушка его родного аула встретила с пренебрежением первые творческие опыты неграмотного бедняка и сперва даже обвинила его в присвоении чужих стихов — как же голодрек может быть поэтом?!

На февральскую революцию Сулейман пришелся написать специальное стихотворение на местную тему по заказу, чтобы доказать

Я спышал: больше нет царя,
Мир попон новостями.
Кругом ликуют, говорят,
Что дума правит нами,
Что, царский задеркает состав,
Отречься приказали,
Что в вечность канули, упас, —
Погони и медали...

А сколько генеральских плеч
Без звонят остались!
Садится пыль на эту плащ
Растерянно и вяло.
А сколько гордых слов ушло;
А жирных — похудело!..

(Перевод Д. Бродского).

Старый певец из отдаленного предгорного аула, обрадованный свержением наиболее ненавистных и очевидных порабощителей, не знал еще разглядеть задачи и пути дальней-

шательям, то зато в дальнейшем эти песни, записываемые сыном поэта, печатаются теперь в лезгинских газетах, сборниках, хрестоматиях.

Новое социалистическое содержание вошло в песни Сулеймана. Их создания две прекрасные песни на смерть Ленина. В одной песне о прославлении рабочего, как ведущую силу социалистического строительства:

Ты в стране — начало начал,
Светоч очей — рабочий!

Ты свободу завоевал,

Власти оплот, рабочий!..

...В кругу любых племен и стран
Ты выступил другом крестьян.

Спавший с нами в дружный стан,
Шел подмогу рабочий...

(Перевод мой).

Этот — новый для Сулеймана — мотив звучит и в его известном сти-
стихах.

Фото С. Шингарева

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ НА ТРИБУНЕ ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ. СУЛЕЙМАН ПОЕТ СВОИ СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СЪЕЗДУ.

хочь борьбы за свержение всех и всяческих эксплуататоров. Сулейману не хватило политической подготовки, чтобы сразу разобраться в сложном классовом периплете, имеющем место в Дагестане 1917—1920 года. Водоворот гражданской войны, инсториография — тугоязычная, немецкая, английская, кинематографическая смена властей, сопровождавшая войну разрушения, — все это сперва сбило Сулеймана с толку, ввергло его в полную растерянность, породило в нем жажду покоя. Но Сулейман был слишком кровно связан с трудящимися массами, чтобы великие уроки социалистической революции не дошли до его сознания. Преодолев временные растерянность, Сулейман отредактировал свое место в классовой борьбе и стал выдающимся советским поэтом.

Большевистская партия, советская власть воплотили в действительность старую смутившую мечту Сулеймана о счастливой свободной жизни бедноты. Большевистская партия, советская власть предоставили Сулейману почетную посту на трибунах съездов. Сулейман, как и прежде, сочиняет свои песни на уличном языке, но уже на языке большевистской культуры. Издательство также подготовило для него приветствие всесоюзному съезду писателей:

Поднявший меч в октябрьский час,

В социализм ведущий нас,

Да здравствует рабочий класс!

Как братья мы к нему пришли...

(Перевод А. Суркова).

Старому певцу становится тесно в рамках традиционной ашугской формы, применявшейся им всю жизнь (песни, состоящая из четверостиший, в каждом из которых первые три строки rhymeются между собой, а четвертые строки всех четверостиший оканчиваются на одно и то же слово). В первом из стихотворений Сулеймана, появившемся в этом году в Касум-Гентской газете, четырехстрочная ашугская строфа впервые взорвана, появляются пяти- и более строчные строфы.

Трудящиеся массы лезгинских районов любят и ценят старого певца Сулеймана, изменившего тем самым бывшему крестьянину, ставшему певцем бедноты, старшему певцу социалистического строительства.

Сулейману — 65 лет, но его изображение в расцвете, и страна социализма может ждать от старого поэта новых молодых и волниющих песен.

Г. ЛЕЛЕВИЧ.

РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ КЛАССИКИ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Украинское издательство «Литература и искусство» (Харьков) приступило к изданию ряда произведений русских и иностранных классиков и шедевров мировой литературы на украинском языке. Уже подготовлены к печати 26 томов собрания сочинений великого пролетарского писателя А. М. Горького. Три тома выйдут в ближайшее время.

Издательство также подготовило для первого из 50-тилистов «Литературного календаря» (перевод М. Иванова, иллюстрации Ю. Ганфа) и популярного произведения Габриэля Гаргантюя и Пантагрюэля. Эти издания будут выполнены по типу лучших выпусков издательства «Академия». Часть издания пойдет по подписке.

Особенного внимания заслуживает издание известного произведения Сергея Тарасова «Дон-Кихот» (перевод М. Иванова, иллюстрации Ю. Ганфа) и популярного произведения Габриэля Гаргантюя и Пантагрюэля. Эти издания будут выполнены по типу лучших выпусков издательства «Академия». Часть издания пойдет по подписке.

Б. СИМАНЦЕВ

Автором показаны два типа начальников строительства: Мельников и Крафт, но автор не сумел затронуть полновесные портреты, он старательно подобрал факты, примеры и ограничился этим. Читатели приходят к самому «дорисовывать» лики. Такие люди, как Юрьевич, совмещавший столоверчение, мистику, первое неистовство со строгим и точным искусством возведения мостов, такая фигура, как Клейниев, горестная жизнь рядового строителя дороги Матвея Давыдова, здания, может быть, подробно, но в этой поэме многое остается загадкой.

Великий написал добросовестную книгу. Это одна из глав по истории Октябрьской революции, славной в промышленном участии в классовых боях пятого и семнадцатого годов, а также в социалистическом труде.

«Петербург—Москва» (из истории Октябрьской революции), издательство «История фабрик и заводов», 1934, стр. 141, тираж 20 000, п. 2 р.

УМКА И КАВАЛЕРИДЗЕ

Реальная этнография и верность делению капитана Блэка, эти чукчи говорят на «бизнес-русине», т. е. на приглушенной смеси ломаных слов английского колониального жаргона с русским языком.

Этот «язык» — следствие влияния на чукчей русских колонизаторов и англо-американских негондантов. Сельвинский вовсе не претендует в своей пьесе на подлинный чукотский «бизнес-русину». Так, как обстоят дела, чукчи не говорят в пьесе Сельвинского, настоящие чукчи не говорят в пьесе, когда чукчи говорят и поют на чистом русском языке, лишь слегка стилизованном по манеру и стилю первоначальной песни. Таковы торжественные песенные монологи Чайкургуры или Нана в V картины пьесы.

Однако, как только действие пьесы от условно символических моментов переходит к обыденным разговорам, чукчи Сельвинского снова начинают из ясности на чудовищной смеси английского, русского и заимствованного

